

Сяо Ду отпрянул от моей руки, словно обжегшись, и наступила долгая тишина. Я уже собирался прогнать его, как вдруг он прилёг рядом и, к моему изумлению, забрался под одеяло. Я замер, не ожидав такой наглости. Сяо Ду свернулся калачиком, втиснувшись ко мне, и ухватился за мой пояс, спрятав голову под одеялом, так что видны были только глаза.

— Дядя... Не гони меня. Отец велел мне зачать ребёнка с наложницей, чтобы отогнать болезнь, но я ещё не стал мужчиной...

Всё стало ясно, и я не сдержал смеха — этот щенок даже не достиг зрелости, его и мужчиной-то назвать нельзя.

Такая зависимость маленького волчонка от меня могла стать выгодной. В голове уже строились планы: позже я мог бы подсунуть ему выбранную мною девушку, свести их и тем крепче привязать его к себе.

Сяо Ду, не ведая моих мыслей, недовольно пробурчал:

— Дядя!

Я перестал смеяться, взглянул на него и понял, что нам вдвоём на одной кровати неприлично. Собрался было встать, но вновь накатило головокружение, и я остался лежать, решив вздремнуть.

Дыхание рядом стало ровным и долгим: Сяо Ду, кажется, уснул. А я ворочался без сна. С тех пор как отрёкся от престола, я больше не делил ложе ни с кем. А этот мальчик был горячий, как печь, от него я весь вспотел. Терпеть такое беспокойство было невозможно, и я безжалостно пнул Сяо Ду. Тот мгновенно проснулся, сел, поджав ноги, и в воздухе расплылся лёгкий запах.

Я знал, что это за запах. Видно, наложница его возбудила, и это случилось с ним впервые.

Я не стал его бранить, лишь откинул одеяло и равнодушно молвил:

— Ступай быстрее, чтобы слуги тебя не увидели.

Но Сяо Ду не шелохнулся, и голос его прозвучал хрипло:

— Дядя, я только что... видел сон.

Что ещё, как не сон непристойный? Я нетерпеливо махнул рукой:

— Не рассказывай, я слушать не хочу.

— Позавчера... отец навалился на тебя — он тоже хотел сделать это?

Мозг мой взорвался от ярости. Я ударил его по лицу:

— Наглец!

Сяо Ду свалился с ложа, схватился за щёку, поднялся и, пошатываясь, отступил на несколько шагов.

Я привстал и холодно крикнул:

— Вон! И чтобы ноги твоей здесь больше не было!

Сяо Ду молчал, его зелёные волчьи глаза уставились мне в грудь. Я взглянул в медное зеркало напротив и увидел, что шёлковый халат мой полурастёгнут, а на шее алеют пятна — следы Сяо Лана.

Позор императора, лишённого власти и ставшего беспомощным, был явлен взору сына Сяо Лана.

Вне себя от гнева я схватил чашку и швырнул в него. Сяо Ду угодил под удар, кувыркнулся, распахнул окно и выпрыгнул наружу, растворившись в ночи.

Видно, в ту ночь я ударил его слишком сильно, потому что после этого Сяо Ду и вправду перестал приходить в Павильон Юсы. Я невольно пожалел об этом. Волчонка ещё не приручили, а я уже оттолкнул его — все усилия насмарку.

Но, к счастью, после церемонии возведения на престол Сяо Лан оказался завален делами. Раз назначил императрицу — нужно назначать и наследника. Хотя Сяо Лану уже за тридцать, у него четверо сыновей. По обычаю наследником должен стать старший, но первенец его, Сяо Юй, рождён наложницей, подаренной отцом, и нрав у него скверный, вспыльчивый и грубый. Вторым, Сяо Цзин, и третьим, Сяо Мо, — близнецы от законной жены, которую он взял, ещё будучи князем. Один — строптивый и завистливый, другой — молчаливый и сдержанный, и только второй податлив. Четвёртая, Сяо Юань, — девочка. Самый же младший — тот полукровка-волчонок Сяо Ду. Все они — не подарок. Да и императрицу только что возвели, наследника она ещё не родила, так что сейчас назначать кронпринца ей, естественно, не по нраву. Но Сяо Лан не мог сделать наследником сына от принцессы другого царства, чтобы не сеять смуту. Головная боль! Сановники судачили, а у Сяо Лана и дела до меня не было.

Воспользовавшись этой передышкой, я без лишнего шума велел своим тайным стражам внедриться в шесть дворцовых управлений, вновь расставив своих людей в подготовке к будущему перевороту. Сяо Лан зорко следил за придворными, и я не хотел спугнуть его, поэтому отправил тайное послание своему дяде по матери, маркизу Бай Яньчжи, что в тысячах ли отсюда. Род Бай был могущественным, владел землями в Цзичжоу и охранял северные рубежи, имея под началом тридцать тысяч отборного войска. После того как меня принудили отречься и заточили во дворец, я не мог сообщить Бай Яньчжи о своём положении, вот он и не предпринимал ничего, ссылаясь на беспокойства от варваров на границе и невозможность отлучиться. Даже на коронацию Сяо Лана он не явился. А Сяо Лану было не дотянуться до него, и он пока ничего не мог поделать с этим старшим сановником, служившим трём поколениям императоров. Бай Яньчжи был очень привязан к моей матери, а мы с ним вместе ходили в походы, и помимо долга правителя и подданного связывала нас дружба, скреплённая кровью. Я верил, что в нынешнем моём падении он не останется в стороне. И точно: три месяца спустя я получил от Бай Яньчжи ответ.

Он отправил своего брата, сановника Бай Чэня, в столицу Мянцзин с данью. Но путь был неблизкий, и до Мянцзина ему было не скоро добраться — пройдёт ещё несколько месяцев.

Я не спешил, тку сети во дворце и выжидал. Время летело быстро, и вот уже наступил следующий год. Назначение наследника всё не было решено, и во дворце устроили великие состязания в стрельбе из лука и верховой езде — чтобы почтить Хоуи, встретить Новый год и дать принцам возможность явить свою удачу. Все знатные юноши могли участвовать или наблюдать.

Даже меня, Верховного императора, пригласили — случай неслыханный.

Честно говоря, идти не хотелось. Стояла стужа, здоровье моё слабое, сквозняков я боялся.

Когда паланкин остановился, я всё ещё сидел, прижимая к груди грелку и кутаясь в шубу из белого лиса, лежа на мягких подушках и не желая шевелиться. Но вот вдалеке прозвучал свист стрелы, пронзивший небеса, и он воскресил в памяти былые походы. Я наконец приподнял усталые веки, откинул занавеску и выглянул наружу. Ох, северные ворота арены и помосты вокруг были запружены народом — даже больше, чем в моё время. На самом высоком возвышении восседали Сяо Лан с императрицей и наложницами. Красные зонты с золотыми кистями резали глаза, и я опустил взгляд, позволив евнухам помочь мне подняться по ступеням.

— Верховный император прибывает! — прокричал слуга, встречая меня. Голос его резал ухо. Сяо Лан сидел, женщины же встали и слегка поклонились. Они не слишком-то чтили меня, отрёкшегося императора, и я не стал лицемерить, лишь кивнул и занял специально для меня приготовленное место, прикрыв рот рукавом и кашлянув.

Сяо Лан повернул голову, и взгляд его скользнул по мне, словно пытаюсь содрать с меня одежду. Я холодно отвел глаза, уставившись на арену. И тут его голос донёсся до меня по ветру:

— Шуба императрицы просто великолепна, так оттеняет твою красоту, кожу белоснежную, словно выточенную изо льда и яшмы.

Слова эти были адресованы не мне, но впились в спину, как иглы, и я захотел тут же скинуть шубу и спалить её.

— Если императору нравится, завтра же велю служанкам сшить такую же.

— Отлично. Пусть сделают по образцу шубы Верховного императора.

Я поднял чашку с чаем, сделал глоток, прополоскал рот и с отвращением выплюнул обратно, а затем швырнул чашку на пол, впад в притворное бешенство:

— Чаёк-то отвратный! Уберите его!

Я знал, что Сяо Лан видит это, и усмехнулся язвительно.

Евнух поспешил исполнить приказ. Когда чашку поставили на стол, столешница задрожала. Я поднял глаза и увидел, как девять орлов с золотыми шарами взмыли в небо. Грянул оглушительный барабанный бой, ворота распахнулись, и несколько всадников вынеслись на поле, состязаясь в стрельбе из луков. Стрелы пронзили облака, целясь в парящих орлов.

Глазам моим предстало видение — моё первое участие в великих состязаниях, и в сердце скользнула тоска. Тогда мы с братьями ещё не извели кровавых битв, были озорными отроками и не ведали, что спустя годы поднимем друг на друга оружие. Все, кроме Сяо Лана, стали ступенями на моём пути к трону, превратились в груды костей, сокрытых в земле под этими дворцами.

Даже если б тело моё ещё могло держаться в седле и натягивать лук, не с кем мне уже было состязаться.

Не знаю, кто следующим ляжет в эту землю — Сяо Лан или я.

<http://bllate.org/book/15952/1426259>